

ЧАЙНЫЙ ПУТЬ И КЯХТА

Торговая слобода Кяхта. Фото Н.А.Чарушина, кон. 1880 — нач. 1890 гг.

Чайный путь по территории России начинался в Кяхте. Об этом уникальном месте на карте старой России хорошо известно профессионалам-историкам и любителям старины. О Троицкосавске-Кяхте написано много. И это не случайно. Городок с уникальной судьбой, своеобразной экономикой и культурой, богатым историческим прошлым, с именем которого связаны жизнь и деятельность многих замечательных людей: купцов-меценатов, талантливых предпринимателей-торговцев, деятелей политики, литературы и искусства, ученых не мог не привлекать внимания историков и мастеров художественного слова. Благодаря Г.Ю.Клапроту, К.И.Назимову, В.А.Обручеву, А.И.Деспот-Зеновичу, В.В.Птицыну, И.А.Носкову, И.В.Багашеву, И.И.Попову, Е.Д.Петряеву и другим, писавшим о Кяхте, мы можем представить ее историческое прошлое (1).

Третий выпуск бурятского журнала "Байкал" за 1994 г. был полностью посвящен Кяхте исторической: ее основанию, границе, торговле, духовной жизни, культуре, музею — всему тому, что составляет славу этого городка у монгольской границы. Составители попытались отдельными публикациями представить разные времена. Но основное место отведено периоду расцвета кяхтинской торговли, хотя самой торговле и, главное, людям, ею занимавшимся, уделено не так много внимания, как они, с точки зрения автора, заслуживают.

"Земля Иркутская", естественно, также не могла обойти вниманием эту тему. Уже в первом номере журнала была представлена публикация о взглядах и судьбе известного иркутского купца Ф.П.Щегорина, "с детства знакомого с тонкостями кяхтинского торгова" (2). Последующие выпуски включали статьи Г.Потанина о сибирских городах, в том числе и о Кяхте (3), Л.Елизаровой об истории Кругобайкальского тракта (4), А.Жирова о тарских кяхтинцах и Н.Гавриловой о купце Хаминове (5). Эти и другие материалы, так или иначе, затрагивали проблему кяхтинского торгова. Впервые же непосредственно ей посвящена статья Н.Единарховой "О чае и чайной торговле" в пятом номере журнала.

Раздвигая рамки темы, попробуем посмотреть на проблему через краткую характеристику конкретных участников событий и всего того, без чего в то время не могла состоять чайная торговля.

Чайная торговля А.Ф.Пяткова в Таре. Этикетка чайной упаковки

В 1728 г. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1670-1738) основал кяхтинский форпост как опорный пункт русско-китайской торговли, который с годами превратился в известную всему деловому миру торговую слободу. Тогда же была заложена Троицкосавская крепость (позднее — город Троицкосавск). Во второй половине XIX в., в силу объективных социально-экономических условий, этот город стал одним из крупных культурных центров Забайкалья. Через Кяхту-Троицкославск, вплоть до пуска в эксплуатацию в 1869 г. крупнейшей мировой стройки XIX в. — Суэцкого канала, осуществлялся транзит чая из Китая в Россию и Западную Европу. К 70-м гг. XVIII в. Кяхта была единственным пунктом, через который совершалась льготная русско-китайская торговля. Особую известность слобода приобрела в конце XVIII — середине XIX вв., во время возраставшего интереса к чаю у населения европейских стран и России.

В России употребление чая начинается в 40-х гг. XVII в., но широких размеров оно достигает только в начале XIX в. Отправной точкой внедрения чая как продукта питания принято считать 40-е гг. XIX в. А приход его из Китая закономерен уже потому, что эта страна — древний центр культуры чая. Там найдены рукописи, в которых первые упоминания об этом напитке датируются 2700-ми годами до нашей эры. До Второй мировой войны Китай давал почти половину всего производства чая — от 400 до 440 тыс. тонн. В нашу страну в досоветское время его ежегодно привозили до 75 млн. кг (6).

Чай, постепенно завоевывая российский и сибирский рынки, стал главным предметом китайской торговли. В 1800-1840 гг. его ввоз вырос в 5,2, а с 1775 по 1851 гг. — в 30 раз. Доля чая в импорте в 1825 г. составила 90% (7). Две трети поступавшего из Китая чая приходилась на байховый, а треть — на кирпичный. Были и другие сорта: цветочный, зеленый. Два первых получили у нас большую популярность, и к середине XIX в. практически в любой российской семье без чая за стол не садилась. Байховый, дорогих сортов, продавался преимущественно в Центральной России и крупных сибирских городах. Кирпичный, представлявший из себя прессованную чайную крошку, наибольшее распространение получил в Средней Азии и Сибири, и потреблялся не только людьми состоятельными. По утверждениям современников, китайский чай принадлежал к числу самых общенародных предметов потребления в России. В свое время А.Н.Радищев даже сетовал на то, что, попав в гости к сибиряку, "без 6 и 8 чашек чаю не выедешь".

Как все начиналось? Прибыль, принесенная казне караванами первых "чаепроходцев": Ф.Байкова, И.Перфильева, С.Аблина, подтолкнула правительство на более широкие торговые контакты с южными соседями. Тарский боярский сын Иван Перфильев, в 1659 г. возглавивший одно из первых русских посольств в Китай, должен был не только передать грамоту царя Алексея Михайловича богдыхану, но и установить, "какие именно товары найдут в Китае спрос". Прикупив на 750 рублей товаров и распродав их в Пекине, он реализовал в Москве китайской продукции на 1057 рублей, принеся царскому двору 300 рублей чистой прибыли. Именно тогда

были привезены на Русь первые 10 пудов чая (8). С середины XVII в. Китай уже рассматривали как выгодный рынок сбыта сибирской пушнины и поставщика шелка и чая. А так как путь от Тобольска до Пекина через степи Прииртышья и пустыню Гоби был долгим и опасным, российские подданные — посол Н.Спафарий и торговый человек Г.Никитин — проложили новый путь — через Забайкалье. Частная торговля запрещалась, а государственная караванная торговля не была стабильной, она неоднократно прерывалась. 11 караванов в 1693-1728 гг. вывезли и ввезли товаров на сумму около 1170 тыс. рублей (9).

27 декабря 1725 г. граф С.Л.Владиславич-Рагузинский в сопровождении 15 человек выехал из Москвы на Восток. В августе 1726 г. миссия прибыла в Селенгинск. Здесь ее уже поджидал торговый караван, отправившийся к китайской границе. По инициативе Рагузинского правительство строит новую селенгинскую крепость и производит укрепление пограничных гарнизонов. Один из таких гарнизонов Рагузинский решил разместить на месте уже существовавшего к тому времени Барсуковского зимовья, где русские и китайские купцы издавна производили обмен товаров. Значительное увеличение численности гарнизона потребовало строительства дополнительного жилья и множества помещений для размещения различных служб. Кроме того, зимовье не могло вместить всех приезжавших для производства торговли.

Основная часть построек была возведена с северной стороны пустынной долины, где меж невысоких гор, покрытых сосновым бором, протекала р.Кяхта. Лингвисты склоняются к мнению, что название этой мелководной речушки произошло от бурятского слова "хяагта" — пырей, пырейное место. Тех, кто прибыл на это место впервые, вероятно, удивило обилие этой сорной травы.

К началу 1728 г. на обоих берегах Кяхты, при впадении ручья Грязнухи, выросла Новотроицкая крепость. Построенная по проекту графа Рагузинского, она представляла собой неправильный четырехугольник (60 x 80 саженей), который окружал деревянный палисад. По углам стены выступали в виде пятиугольных бастионов. В центре крепости при помощи возведенной на ручье плотины был устроен пруд. Солдатские и офицерские казармы, конюшни, амбары и склады, церковь Троицы с приделом во имя святого Саввы Сербского, гостиный двор с 60 лавками, комендантский дом — вот основные строения, составившие градостроительную основу будущего Троицкосавска.

Вторым большим делом графа Рагузинского стали переговоры с Китаем. Они шли медленно. Постепенно преодолевались одна за другой существовавшие и искусственно возводимые китайской стороной дипломатические преграды. В результате Рагузинскому удалось в августе 1727 г.

Улица в Маймачене. Фото Г.Н.Петрова, кон. 1890 — нач. 1900 гг.

заклучить Буринский, а в июне 1728 г. — Кяхтинский договоры. Этими соглашениями открывалась новая эпоха во взаимоотношениях России и Китая. Учитывая важность принятых решений, обмен бумагами производился по утвержденному торжественному церемониалу на берегу Кяхты 14 июня 1728 г. На следующий день в присутствии китайских дипломатов и членов русской миссии был заложен символический первый камень в основание форпоста. 350 солдат Якутского полка и 30 казаков из Удинска под командой капитана Ф.Княгинкина к концу года возвели гостиный двор с 24 лавками и 32 купеческих избы.

К октябрю 1728 г. из Пекина прибыл русский караван. Часть товаров так и не была распродана, в том числе шкурки камчатского бобра, рыси, соболя. Позже кяхтинский целовальник Лягунов променял их китайцам. Так начиналась кяхтинская торговля. Отметим еще одну деталь, побудившую автора более подробно разобраться в событиях 270-летней давности. Вместе с графом С.Л.Владиславичем-Рагузинским общее руководство пограничными делами осуществлял основатель Омской крепости полковник И.Д.Бухгольц, который в 1729 г. сообщил Коллегии иностранных дел о том, что "торг с китайцами на Кяхте уже открыт" (10).

Русское правительство видело выгоду заключенного кяхтинского договора. С.Рагузинскому был присвоен чин тайного советника и вручен орден Св. Александра Невского.

После заключения Кяхтинского трактата, установившего границы и порядок дипломатических отношений между странами, торговля сосредоточилась в двух пограничных пунктах: на реках Кяхте и Аргуни.

Китайцы отдавали предпочтение пушнине. Другие российские товары их интересовали меньше. А потому первоначально, после заключения договора 1728 г., пограничный торг шел вяло.

В 1743 г. указом Сената ведено было "для распространения купечества поселать в Кяхте людей", и "селиться им отдельной слободой" (11). Таким образом, данным указом Кяхтинский форпост был возведен в ранг торговой слободы.

Торговая слобода располагалась в 4 верстах от крепости. Кяхте суждено было стать поселком миллионеров. Но произошло это не в одночасье. Согласно утвержденным 19 марта 1854 г. правилам для водворения в торговой слободы и "пропуска туда разного звания людей", проживать постоянно могли: а) лицо, состоящее там на службе; б) торгующее на Кяхте купечество и купеческие приказчики и поверенные; в) лица, занимающиеся теми или иными дозволенными законом промыслами, для благосостояния слободы необходимыми; г) все вообще, имеющие в слободы недвижимую собственность, хотя бы и не принадлежали к трем первым разрядам; д) семейства всех сих лиц и состоящая при них прислуга...". Параграф 2 называл условие, согласно которому в торговой слободы могли жить люди "всякого другого класса", "только с согласия местного купечества". Об этом кяхтинским купеческим обществом должен был приниматься специальный приговор, утверждавшийся градоначальником. Проникновение в слободу самих жителей (а их было немного) не было особенно затруднено. В любое время они легко пропускались через заставу из слободы и обратно. Практически все служащие и чиновники знали их в лицо. Приезжавшие на время гости и иногородние получали от полиции, с разрешения градоначальника, месячные, полугодовые или годовые би-

Чайный путь Калган — Ирбит.

леты — своеобразные визы на въезд и выезд из слободы. Для извозчиков купеческой клады установили специальные жестяные билеты, которые выдавались в ратуше. За каждый такой билет взималась плата, зависящая от сроков, но сбор этот не мог превышать 1 рубля серебром в год.

К середине XVIII в. караванный торг пришел в упадок, прежде всего, из-за контрабандной продажи пушнины китайцам. Был случай, когда казенный караван обнаружил на пекинском рынке в три раза больше мехов, чем доставил сам (12).

Видя бессмысленность государственной монополии на торговле с Китаем, передовые деятели России с начала XVIII в. ратовали за создание частных купеческих компаний. С момента упразднения в 1762 г. казенной караванной торговли до середины XIX в. Кяхта стала практически единственной точкой русско-китайской торговли. Второе узаконенное место — в урочище Цурухайту — больше служило для мелкого бизнеса приграничных жителей и не имело больших торговых оборотов.

Мощный стимул развитию кяхтинской торговли дали проведенные на государственном уровне мероприятия: отмена казенной монополии на торговлю пушниной и внутренних таможен; введение вексельной системы расчетов с таможен, сначала для европейских, а с 1781 г. — и для сибирских купцов.

Из Китая вывозились, преимущественно, товары широкого потребления: хлопчатобумажные ткани ("китайка" — легкая ткань синего, черного, иногда вишневого цвета, "даба" — легкая одежная ткань синего цвета), шелк ("камка"), шелк-сырец, сахар, табак, чай, ревень. До 85% экспорта долгое время составляла пушнина, где соболя постепенно оттесняли белка и горностай.

Постепенно, с увеличением объемов ввоза китайского чая, в номенклатуре российских товаров все большее место стало отводиться сибирским козам, прежде всего — юфти. Сибирская юфть по качеству уступала европейской, но здесь ее выделялось достаточно много, а доставка обходилась дешевле. Причем, юфть из Западной Сибири была более качественной, чем производимая в Восточной. Это объяснялось отсутствием дуба и употреблением таловой коры вместо дубовой. Правда, сибирские умельцы, как всегда, ухитрились внести нестандартные решения в технологию производства. Так, кяхтинские купцы Нерпин и Ременников устроили при своем сахарном заводе в Кяхте сафьяновый завод, где вместо ивовой коры с успехом использовали сосновые шишки (13).

Юфть стала важной статьей производства и торговли сибирских купцов. По данным И.Гагемейстера, в 1817-1849 гг. было 12 городов — основных поставщиков сибирской юфти в Китай. Среди них выделялись Тюмень, Томск, Тара и Кунгур.

Таблица 1. (14)

город	количество поставленных кож			Итого
	1817 г.	1849 г.	1849 г.	
Тюмень	23791	17877	17052	58720
Томск	2110	13853	5439	21402
Кунгур	2728	1580	15291	19599
Тара	7754	4563	4296	16613

В Забайкалье потребность в выделанных кожах была очень высокой, так как для упаковки чайных мест употреблялась, главным образом, юфть (15).

Упаковкой (ширкою) чаев занимались специальные ширельные артели. До перевода таможи из Кяхты в Иркутск в 1861 г. это делала одна артель из 130-150 человек. Таможенная инвалидная артель избирала старшину, которого утверждал директор таможи. Позже купцы начали заводить собственные артели. Их стало с десяток, по числу фирм. В каждой было от 10 до 50 троицкосавских мещан. С приходом каравана или обозов, осмотренные и два раза взвешенные места, тюки чая, перевозились из гостиного двора и сдавались артельщикам. За день до работы ширельщикам в специально построенные казармы, длинные одноэтажные деревянные бараки, доставлялись вымоченные воловьихи кожи. "Расходчик" раз-

Большая улица в Троицкосавске. Фото А.Порфирьева, нач. 1900-х гг.

резал одну кожу на два места, "ременщик" из лучших материалов нарезал ремни. Обернув тюк чая в мокрые мягкие воловьихи кожи, его зашивали при помощи железной, в виде изогнутого желоба, иглы. Если кожи для обшивки не хватало, приходилось нашивать "лапки" — заплатки, вырезанные из остатков. Отметим, что каждый кирпич чая перекладывали бумагой. Старшина внимательно следил за работой и при сомнениях в качестве требовал ее переделать. Зашитые тюки сдавались савошникам или ямщикам. Зимой приходилось работать весь световой день, а если чайный обоз был уже подготовлен к отправке, то, по требованию хозяина, работали и вечером.

Работа считалась престижной, потому что была достаточно доходной. Артельщики ею дорожили. За ширку одного места артель получала в 60-70-е гг. XIX в. 16-20, позже — 12-15 копеек. Цена зависела от вида шва: редкого, среднего или частого. Была установлена дифференцированная оплата труда. Старшина получал 2 пая, сборщик заработка — 1,5, остальные — по пая. Ученикам полагалось меньше пая до тех пор, пока они не овладевали мастерством упаковки в совершенстве. Больной, в случае травмы на производстве, получал четверть пая. При сильном повреждении руки острой ширельной иглой указанная доля выплачивалась ему в течение двух-трех месяцев подряд. В случае свадьбы жених и 2-3 его друга получали по два дня отдыха.

Артельщики связывались круговой порукой. Условия труда были сдельными, важен был конечный результат — качественно и в срок выполненная работа. За прогул хозяин налагал три рубля штрафа. Ширельщики и савошники могли стащить кирпич чая, а потом обменять его в Маймачене на ханчин, крепкую китайскую водку, но воровство у своего хозяина было не принято и осуждалось артелью. Люди достаточно хорошо знали друг друга, и рабочие места в артелях считались наследственными. Замены производились в крайних случаях, даже при болезни. Достаточно жестким был и контроль, старшину проверяли два, а иногда три счетчика. При выходе с гостиного двора караульный обыскивал каждого.

Наибольший привоз чаев из Китая наблюдался в декабре-январе. Поэтому много работы было только в зимнее время. Летом артельщики занимались крестьянским трудом и мелочной торговлей, зарабатывали извозом, тесали камни для городских построек. Городу артели выплачивали 5% акциза. По сравнению с другими работниками, ширельщики получали больше. В пору расцвета Кяхты, в 60-е гг. XIX в., в летнее время с ними по заработку могли конкурировать разве что каменщики, получавшие от 1,5 до 2 рублей на человека в сутки (16). Месячный доход колебался в зависимости от объемов работы, ситуации на рынке и других обстоятельств. Например, артельщики фирмы Губкиных иногда получали до 70 рублей, а в других артелях в это же время оплата достигала лишь 15-25 рублей в месяц.

Троицкосавск и другие близлежащие населенные пункты работали на Кяхту. Так, жители Усть-Кяхты, расположенной в 25 верстах от торговой слободы, имели кожевенные заводы, занимались огородничеством и извозом. У каждого рабочего был собственный дом, солидное подсобное хозяйство с лошадьми, коровами, птицей. Потому продукты были деше-

вы. В 80-е гг. XIX в. мясо стоило 2-3 копейки за фунт, масло — 15, пара рябчиков — 7-8, хариус и форель — 4, осетрина — 8 копеек. Зажиточность населения легко усматривалась приезжими. Крепкие, иногда двухэтажные и каменные дома, чаще с железными, а не тесовыми крышами, деревянные тротуары, освещение, шоссированное полотно улиц, многочисленные общественные службы и заведения — все говорило о достаточном высоком уровне благосостояния жителей.

Количество купцов, самостоятельно ведущих чайную торговлю в Кяхте, постоянно менялось. Но и самостоятельно торгоующие, и комиссионеры европейских и сибирских фирм имели около 15 приказчиков, которые железным совком, похожим на лом, пробивали чайные места (цыбики) и брали содержимое на пробу, проверяли его на "подмочку". Когда в Маймачен приходил обоз, принадлежащий хозяину, артель получала от него билет на ввод каравана в гостинный двор. На дворе артельщики помогали монголам развьючивать верблюдов. С мест снимались веревки и попоны, чай взвешивались и сдавались ширельщикам. Затем тюки вновь поступали на взвешивание, и "подрезчики", специальные рабочие, железным резцом в виде трезубца с основанием посередине и двумя резцами по бокам вырезали на них номера и начальные буквы (литеры) имени и фамилии хозяина. Литеры выглядели примерно так: М.Ф.Н. — М.Ф.Немчинова, И.К. — И.С.Котельникова, М.О. — М.Г.Орлова (17). Кяхтинцы, встречавшие партию чаев по дороге или в таборах на Нижегородской ярмарке, по этим литерам могли безошибочно определить, кому они принадлежат.

Подложив жерди, савошники раскладывали тюки внутри гостинного двора для просушки на солнце. Просушенные места сдавались ямщикам или складировались под навесом. Эти операции осуществлялись только ле-

А.М. Лушиков. Фото нач. 1900-х гг.

ния до 2 миллионов рублей только от Кяхты до Тюмени, содействовал во многом этому благосостоянию..." (20). Провоз кяхтинских товаров "разливал по всей Сибири и Восточной России, на протяжении 6000 верст, несколько миллионов рублей. Кяхтинские товары обогащали многих и служили основанием оборотам нижегородской ярмарки" (21). Один из кяхтинцев — Иван Андреевич Носков — выходец из г.Тары Тобольской губернии, ставший авторитетным специалистом в области внешней торговли, считал, что ежегодный вывоз 90 тыс. цыбиков байкового и 30 тыс. цыбиков кирпичного чая и перевоз вымениваемых на них товаров оставлял "на всем протяжении от Кяхты до Москвы за одну провозную плату до 3 миллионов рублей" (22).

Извозом занимались почти все при трактовые селения. Образовывались артели и товарищества. Многие составили на этом крупные состояния.

Задействованы были сотни тысяч лошадей, чаем загружались десятки тысяч подвод. Загрузка, перегрузка, разгрузка, ремонт и проведение дорог, постой, содержание и смена лошадей, обеспечение сеном, фуражом и прочие услуги обеспечивали работой и средствами к существованию огромную массу людей. Даже с проведением железной дороги извоз не

прекратил своего существования, хотя значительно сократился, понизилась его доходность, изменилось, обратившееся к земле, при трактовое население.

О самом извозе, купеческих обозах, людях и дорогах всегда охотно писали историки, литераторы, иностранцы — все, кому когда-либо приходилось ездить, торговать. Некоторые иностранцы, видимо, озабоченные тем, как бы не обидеть русских, чуть приукрашивали действительность. Так И.Зиверс утверждал, что Сибирь — "такая превосходная страна, какую только можно найти в мире под такой же широтой... Здесь почти невероятным способом большие непроходимые леса и пустыни превращены населением в столбовые дороги...". А путешествовать по ней можно, по его мнению, "с надежностью и удобствами, о каких в других государствах мира при таких больших расстояниях и речи не может быть". Правда, нельзя не учесть, что Зиверс в своем научном путешествии преследовал цель искоренения предвзятого мнения о Сибири за границей. Потому, говоря о невысоком качестве обслуживания на трактах, он считал несправедливым требовать, чтобы "все в Сибири было бы совершенно" (23). Проезжавший зимой за сутки по 250 верст И.А.Гончаров, наоборот, не мог нахвалиться расторопностью и радушием местных ямщиков. Наблюдавший иные скорости летом, особенно в распутицу, А.П.Чехов считал, что передвижение по сибирским дорогам есть не что иное, как "отчаянная война с невылазной грязью". 25-30 верст от станции до станции в это время преодолевались за 6-10 часов (24). По его мнению, Сибирский тракт — "самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете" (25).

Профессор из Казани Ф.Т.-А.Валеев, записавший десятки бесхитростных рассказов извозчиков купеческой клады, делает вывод: "... тракт был настолько запущен, что часто лошади не выдерживали бездорожья, падали замертво" (26). Проезжавший в 1885 г. по чайному пути до Кяхты зять купца А.М.Лушикова — смышлый И.И.Попов — так описывал свое путешествие: "Навстречу нам шли длинные обозы с чаями в несколько десятков саней. Лошади шаркались в сторону, вязли по брюхо в снегу; сани с чаем опрокидывались: шум, гам, ругань... Встречный обоз не беда: с грехом пополам разведемся; но истинное мучение — обгонять обоз. Обоз должен остановиться, сани и лошади жмутся к одной стороне, а мы вязнем в снегу, заседаем в сугробы и с трудом объезжаем обоз... Возчики, преимущественно буряты, выражают своим чувством в шумливых формах" (27). Попов назвал Кяхту периода расцвета "песчаной Венецией", куда, как в Венецию корабли с моря, тянулись в течение всего года корабли пустыни — верблюды. По этому пути в Кяхту прибывали не только люди, связанные с торговлей. Петербургский портной Навотня находил для себя выгодным раз в год приезжать сюда для снятия мерок. Впоследствии он

Литеры кяхтинских купцов: М.Ф.Немчинова, М.Ф.Орлова, И.С. и Н.С.Котельниковых

том, зимой сушка не производилась. Но так обрабатывались байховые, высокосортные чаи. Гораздо большей обработки требовали относительно дешевые кирпичные чаи. Значительное время уходило на распуорку цыбиков, снятие с кирпичной китайской бумаги, чистку от плесени. Каждое место упаковывалось по 64 кирпича и вновь сдавалось в ширку. Плата за распуорку составляла 3-5, взвешивание — от 1,5 до 2,5, вырезывание литер — 1,5 копейки с места. Таким образом, полная обработка чайного места оплачивалась 12-15 копейками.

На цыбиках, кроме прочего, выставлялись торговые знаки. Например: Т.Н. — торговый неквадратный, байховый; К.Ч. — кирпичный. В сопроводительных документах, договорах на перевозку о чаях давалась более подробная информация. Например, в ряде случаев обнаруживаем имена и фамилии производителей и продавцов чая: Хын-Син-Мы, Син-Тай-Ха, По-Юан-Синь и другие. В фактурах на 50 ящиков байхового чая иркутского купца И.И.Базанова, отправленного 15 августа 1870 г. из Тяньцзыня через Туньжоу и Калган, названа фамилия Лун-Чон-Лун-Узи (18).

С конца XVIII в. мелкий сибирский капитал "питался" кяхтинской торговлей. Купцы 2-3 гильдий, мещане, крестьяне, казаки, буряты, жившие в приграничном районе, имели возможность вести небольшую торговлю продуктами скотоводства и земледелия. Дополнительный доход они получали за счет извозного промысла. Тарские извозчики купеческой клады уходили после Нового года до Иркутска на санях, в пути продавали сани, покупали телеги и уже с китайскими товарами "возвращались домой только к покосу" (19).

Известно, что до проведения железной дороги извозный промысел составлял главное занятие крестьянского населения Сибири и для значительной его части являлся действительным источником благосостояния.

Историк А.А.Губаревич-Радобильский писал: "Если Россия могла заселить Сибирь так быстро, если благосостояние Сибири стало привлекать выходцев изнутри России, то извоз чая, оставлявший в руках населе-

получал заказы по телеграфу. Артисты-концертанты тряслись от Иркутска и мерзли несколько сот верст, зная, что гастроли с лихвой оплатятся. Здесь выступали виолончелист Вербов, флейтист Тершак, пианист Контский, певец Яковлев. К парализованному Я.А.Немчинову был выписан окончивший Медико-хирургическую академию М.Т.Поротов. Иркутяне и читинцы, считавшие полусуточный проезд "пустяком", стремились подгадать к китайскому празднику "Белый месяц" (с Нового года до февраля, с перерывами). В Рождество Христово и Свягую Пасху в Кяхту приезжал почти весь Троицкосавск: купцы, мещане, офицеры, чиновники, учителя. Сами кяхтинцы объездили полмира. А уж сколько шума в столице наделал житель Кяхты казак Андрей Назимов! За год он, имея в кармане 300 рублей ассигнациями, прошел 7319 верст и 1 марта 1841 г. прибыл в Санкт-Петербург, где добился встречи с Николаем I, как потомок казаков Ермака был "обласкан", осыпан милостями и подарками (28).

Движение в Кяхте было интенсивным. Навстречу друг другу тянулись обозы с товарами и чаем, шли и ехали в сидейках (легких повозках, придуманных декабристом Бестужевым) монголы и китайцы, от верблюдов шарахались в сторону выписанные из России и еще не привыкшие к ним заводские рысаки. Зимой повсюду стояли привязанные за собственную переднюю ногу мохнатые, закуржавевшие лошади с длинными сосульками на мордах. Сидящие перед ними на корточках монголы, набив медные трубки-занзы и высекая огонь из огнива, выкуривали их в две-три затажки. Проносились пролетки, степенно переваливались большие фазтоны-тарантасы.

Чайный путь в основном совпадал с Большим Сибирским трактом, и поэтому условия провоза грузов по нему проследить не так трудно. Но транспортировка чаев имела свои особенности.

Чай из Калгана по монгольской территории поступали в китайский торговый город — Маймачен. Ныне этого города нет, так как в годы Гражданской войны отступавшие китайцы разрушили Кяхту и сожгли Маймачен. В 1921 г. рядом с пещелищем возник монгольский город Алтан-Булак. Маймачен же основали в 40-е гг. XVIII в. жители традиционно торговой китайской провинции Шанси. Кяхта во второй половине XVIII — XIX вв. давала содержание и смысл жизни не только Троицкосавску и Селенгинску на российской стороне, но и Маймачену на китайской. Здесь китайские купцы научились выгодно устраивать свое настоящее и будущее. В этом небольшом городке действовало до 100 магазинов. Женщины в город не допускались, а мужчины сосредотачивали основные усилия на решении деловых проблем. По предписанию своего правительства, они должны были действовать сообща: совместно устанавливать цены, стремиться так определять количество ввозимого в Россию товара, чтобы китайских товаров всегда было меньше. Дзаргучей (правитель Маймачена) строго следил за тем, чтобы вновь прибывавшие в город не торговали от своего лица. Русские же, даже объединившись в компании, не всегда действовали согласованно, а потому более дружные китайцы, как правило, удерживали перевес в торговле на своей стороне.

До российской границы чаи обычно доставляли монгольские возчики. Так, в 1871 г. из Урги от имени И.И.Базанова в адрес М.Ф.Немчинова были отправлены 180 ящиков в 360 кирпичей с монголом Табинского ведомства Сангай Аймака Тогодаргой Атока по имени Дамаги Лаша. В договоре строго оговаривался срок доставки — 12 суток. На значительно большее расстояние, от Калгана до Кяхты, байховые чаи М.Г.Орлова монгол Цыуэивхана Хамун должен был доставить за 36 суток (29). От Иркутска до Томска груз доставляли за 28-30 дней, за столько же — от Томска до Тюмени. При погрузке на одноколенную повозку 15-25 пудов груза, а на пароконную — 40-50 пудов, расторопные и опытные возчики, при благоприятном исходе, получали зимой в два конца по 80-130 рублей за связку (4-6 упряжек). Летом, когда ехали в два раза дольше, транспортировка обходилась в два-три раза дороже. Контракт кяхтинского 1-й гильдии купца М.Ф.Немчинова с кунгурским 2-й гильдии купцом В.Г.Кочешовым, обязавшимся доставить немчиновские чаи на Ирбитскую ярмарку не позднее 15 февраля 1870 г., четко оговаривал условия перевозки. В случае потери

Воскресенская церковь в Кяхте. Фото А.Порфирьева, нач. 1900-х гг.

или повреждения "от чего бы то ни случилось", Кочешов должен был платить наличными по ценам нижегородской ярмарки этого года. В случае задержки из провозной платы (6 рублей серебром с каждого пуда) изымалось 10 копеек за каждые просроченные сутки. Учитывались подмочка и иные потери. В договоре есть строки: "...при сдаче в ярмарке имеет быть исключено из веса цыбика до одного фунта указанного места на предмет дорожной траты" (30). Условия эти были взяты не "с потолка", они выработаны долгой практикой. Контракты между Немчиновым и Кочешовым по провозной таксе Голдобина повторялись из года в год в течение нескольких лет подряд. Обоз Кочешова доставлял чаи Немчинова в Ирбит в 1867 г., оговаривая такие условия: "осмотреть и принять в таможене"; "защиренные в скотские сырые кожи"; "в пути следования охранять от утраты" (31). Чай иркутского 1-й гильдии купца И.И.Базанова были отправлены из Кяхты в Иркутск с крестьянином Илбинской волости В.А.Суворовым на таких условиях: провозная плата — 2,5 рубля с пуда; на провоз выдать 150 рублей, остальные — "при благополучной доставке и исправной даче чаев в Иркутске"; суточная просрочка — 30 копеек с места чая (32).

Вывоз чаев из Кяхты в 60-е гг. XIX в. осуществляли: в Иркутск — крестьяне Н.Л.Власов, И.Н.Пермяков, А.Д.Кречетов; в Верхнеудинск — мещанин Е.И.Орлов, крестьяне А.Разуваев и А.Ф.Клепиков; в Читу — 2-й гильдии купец И.П.Мурзин. Верхнеудинский мещанин М.Г.Бурдуковский доставлял чаи нерчинскому купцу В.Д.Быкову, а доверенный кунгурского купца Кочешова П.Галдобин — в Нижний Новгород (33).

По данным Ю.Гагемейстера, дорога от Кяхты до Москвы составляла в середине XIX в. 5555 верст. Три месяца пути чайного обоза стоили от 4 до 8 рубля с пуда. Существовала дифференцированная плата: от Кяхты до Иркутска — от 1,5 до 3,5, от Иркутска до Томска зимой — 4-7 (к весне — 12-24), от Томска до Тюмени (сухим путем) — 3-4 рубля за пуд груза. Средняя провозная плата от Кяхты до Нижнего Новгорода составляла 4 рубля за пуд.

Помощь купцов друг другу, пусть и далеко небескорыстная, давала им возможность вести оптовую чайную торговлю в других городах. Кяхтинские чаи принимали кунгурские купцы Грибушины, в Томске — Сзорнины, в Таре — Щербаквы, в Тюмени — Голдобины и Колокольников, в Верхнеудинске — Курбатов, в Иркутске — Котельниковы, Колыгин, Пахолков и многие другие. Кунгурский купец М.Грибушин, доверенный М.Ф.Немчинова, просил последнего: "...бога ради, благороднейший Михаил Федорович, поддержите как-нибудь моего брата Д.И., я, как ни смотрю, все он как-то ветреничает и довольно неопытен, посоветуйте, пожалуйста, ему при вымене для меня чаев". Находясь на Ирбитской ярмарке, в письме от 15 января 1864 г. он сообщал: "Вчера из Кунгура я получил уведомление покупателей. На чаи (спроса — А.Ж.) совершенно нет. Вследствие чего, по приезде в Кунгур, я предполагаю Ваши чаи в Мензелинск отправить". Грибушин называет условия отправки чаев из Тюмени в Мензелинск — "в 14 суток по 73 коп. за пуд" (34).

По современной Бурятии, местности гористой, песчаной, сухой, покрытой мелким сосновым и березовым лесом, обозы проходили относительно легко. В других краях, особенно в Западной Сибири, были участки, которые в отдельные периоды становились практически непреодолимыми

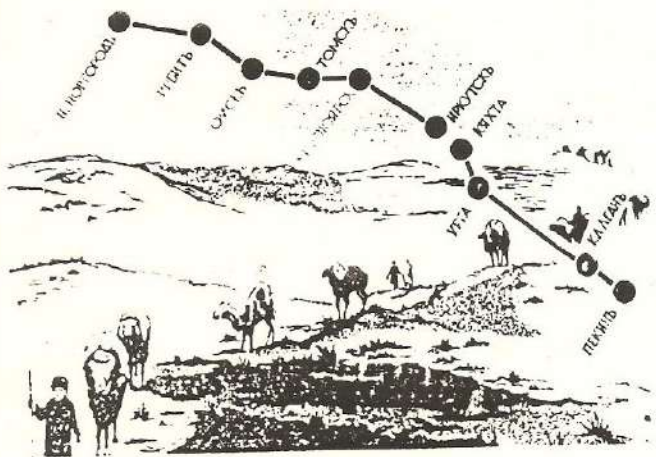
ми. Поэтому труднейшие условия передвижения требовали от людей, и от животных тоже, особых качеств.

Много повидавший и хорошо знавший Забайкалье бывший редактор иркутской газеты "Восточное обозрение" И.И.Попов писал о том, что встречи с волками в Сибири — "заурядное явление". Были и столкновения с медведями. Рассказы о таких случаях остановили многих, не желающих рисковать. Но большую часть извозчиков купеческих кладей жизнь вновь заставляла собираться в путь. Как правило, это были люди горячие и расторопные. Омский писатель И.Ф.Петров окрестил их "мужицкой интеллигенцией", так как постоянные поездки на большие расстояния, встречи с разными и интересными людьми обогащали их жизненный опыт, расширяли кругозор. Поездки длились месяцами. От Кяхты до Иртыша обоз проходил за 4 месяца. Двигались днем и ночью, в любую погоду (подгоняли условия контракта, жесткие сроки), переносили на себе тяжелые ящики и мешки с товарами через болота, мелкие речки. Опаснее было передвигаться небольшими партиями, они чаще подвергались нападению разбойников ("чаерезов"), особенно на глухих участках пути. Историк А.П.Щапов, писавший об иркутском купечестве, вспоминал как "факт самый обыкновенный", когда "вот тот-то несколько лет тому назад продавал метла зимой или разбивал обозы с чаями, а ныне — купец 1-й гильдии" (35).

Молодому мешанину или крестьянину, мечтавшему вылезти из нужды, попасть в обоз — все равно, что поймать удачу за хвост. Далее многое зависело от его личных качеств: умения приспособиться к условиям, расторопности, деловой хватки.

Попад в обоз троюродного брата, тарский мешанин, сын престарелого отставного солдата, хлебопашествующего под Тарой, Михаил Немчинов собирался в путь. Предстояло быть работником и бесплатно руководить четырьмя лошадьми, "связкой", выпрягая и запрягая их на каждой станции. Эти сборы проходили под истерические причитания и слезы его матери: "...и замерзнет-то он, ...и вши-то его заедят, ...и злые люди смутят". Но покорились судьбе, деваться было некуда — Тара клонила к закату. А Кяхта манила — "золотое дно"! Напекли горячих лепешек, витушек, "целый мешок" (36). Свои припасы всегда надежнее. Старший брат Якова Андреевича Немчинова Николай, возглавивший обоз с товарами кяхтинских купцов, и другие нанятые извозчики наморозили горы щей и пельменей, не раз проверили состояние лошадей и упаковку грузов. На каждой станции (Корневской, Логиновской, Такмыкской, Артынской) все эти операции повторялись вновь и вновь. Так продвигались все ближе к Иркутску.

На станциях ямщикам подавали завтрак из старых щей, картофеля и капусты, поили чаем. Обед обычно состоял из щей, каши, блинов, картофеля. Указанный порядок нисколько не изменялся в зависимости от того, днем или ночью пришел обоз. Что же касается старших, объездных и приказчиков, бывавших при каждом транспорте, не говоря о самих купцах, то они находились на особом положении и пользовались "большим комфортом". Их, как правило, проводили в чистую горницу, водки давали не рюмку, а бутылку, на закуску приносили горячие щи и "даже жареную говядину, а к чаю — печенье из крупчатой муки". Все потому, что они производили расчеты. Расплачивались обычно деньгами, реже — товарами (37).

Чайный путь Пекин — Нижний Новгород

Все условия и особенности перевозки товаров учитывались при составлении контрактов. А некоторые наиболее дерзкие обозные приказчики, особенно старшие обозов ("когти"), этим пользовались. В Кяхте многие знали, хоть и не всегда распространялись о том, как за счет Я.А.Немчинова сколотил 100-тысячное состояние его служащий, впоследствии известный кяхтинский миллионер Н.Л.Молчанов, знаменитый "Лукич". Зять Молчанова юрист В.В.Птицын писал о нем: "Примерно, ежели вез он продать 10 000 мест чая, то если по 2 рубля с места себе нажил, и то ведь 20 000 рублей. А сколько он мог выставить подмочки, да кражи ворами с возов, да пошлин, да того-сего! ...А кроме того, на каждом возу он мог даром, за хозяйский счет, свое одно место чая провезти! Вот и сообразите, сколько у него к рукам-то могло прилипнуть!" (38) По сути, большая часть именитых кяхтинцев периода расцвета торговой слободы прошли через обозы: Я.А. и М.Ф.Немчиновы, почти все Котельниковы, Басовы, Коковины, А.М.Лушников, М.О.Осокин, М.И.Корзухин и другие.

Как вспоминал тюменский, а позднее московский, 2-й гильдии купец Н.М.Чукмалдин, известный знаток сибирского предпринимательства конца XIX — начала XX вв., у обозных приказчиков жалованье составляло 300 рублей в год. Но основой их дохода являлось превышение нормы, отпускаемой на "совок", то есть — на проверку качества перевозимого чая. Дорожная трата равнялась 2 фунтам с ящика в 107 фунтов. Но трату доводили до 3-4 фунтов, хотя, по сговору с провозящими, брали меньше. В результате такой операции приказчик, присматривающий за 5 тыс. ящиков чая, становился владельцем 15 тыс. фунтов чая (39). Несложный подсчет показывает, что при цене фунта в 1 рубль 60 копеек в его карман дополнительно попадало, со всеми издержками, свыше 20 тыс. рублей.

В 70-80-е гг. XIX в. чай был главным китайским товаром, поступающим на Ирбитскую ярмарку. Зимой 1886-1887 гг. по чайному пути прошло около 110 000 одноконных обозов, из которых 100 000 перепрягались в основных пунктах товарного движения (40). Сгруженные в отдельных местах на площадях Ирбита чайные кипы достигали 8-10-метровой высоты (41).

Товарооборот кяхтинской торговли в XVIII в. из-за частных перерывов не был стабильным. Так, в течение 48 лет, с 1744 по 1792 гг., она прерывалась 10 раз, в общей сложности на 15 лет и 7 месяцев (42).

Эта тенденция, но в менее трагичных формах, сохранилась и в следующем веке. В первой половине XIX в. ежегодный оборот колебался от 10-11 до 15-16 млн. рублей. Государственная казна в 1760 г. получала из Кяхты до 20%, а в 1775 г. — 38,5% всех таможенных поступлений России (43).

Подъемы и спады были характерны и для самой чайной торговли. Ее оживление вызвало распространение плиточного чая, доступного по цене большинству российского населения. А установление в 1885 г. высоких пошлин на чай обусловило снижение торговых объемов в последней четверти XIX в. Сибирские купцы писали протест по этому поводу министру финансов. Трудно представить, как они смогли бы осуществить свою угрозу о том, что ни один ящик чая не пройдет через Сибирь (44). Экономически более выгодной была транспортировка чая морем. Через Одессу в Москву доставка вместе с комиссионным сбором, банковскими и другими расходами обходилась в 5, а сухопутной дорогой через Сибирь — около 36 копеек за фунт. Идя навстречу участникам кяхтинской торговли, правительство обложило "морской" чай большей пошлиной. В результате, "морской" в Москве продавался по цене 96-100, а "кахтинский" — 110-112 копеек за фунт (45).

Значение кяхтинской торговли трудно преувеличить. Она оказала благоприятное влияние на экономику России, Китая, а также стран Ближнего Востока и Западной Европы. В 1757-1762 гг. Россия променяла в Кяхте своих и иностранных товаров на 2 859 074 рубля, а в 1796-1800 гг. — на 15 584 202. В 50-х гг. XIX в. торговый оборот достиг 16 млн., а в 60-е гг. — 30 млн. рублей в год (46). Как писал В.В.Птицын, "кахтинская торговля с 1768 г. по 1800-й, в течение 32 лет, исключая разрыва, распространилась значительно; вымен товаров с китайцами возрос с 230 тыс. руб. ассигнациями до 4 млн. в год" (47). Продавая товары промышленного производства и ввозя преимущественно сырьевые товары, Россия в кяхтинской торговле выступала как страна с более развитым производством. В 1875 г. она ввезла товаров на 132 133 тыс. рублей и экспортировала на 5 млн. рублей (48). Выменянные с 1854 по 1861 гг. в Кяхте чаи были проданы за 117 790 040 рублей (49).

В начале 50-х гг. XIX в. общий завоз чая в Россию составлял 300 тыс. пудов и к началу 80-х гг. увеличился до 1,9 млн. пудов, то есть, в 6 с лишним раз. Доля же кяхтинского чая за это время сокращалась, хотя транспортировка этого продукта через Кяхту возросла с 275 тыс. пудов в 50-е гг. до 953 тыс. пудов в 80-е (в 1890-95 гг. ежегодно проходило в Россию по 1200 тыс. пудов). В 50-е гг. на его долю приходилось 93,6%, в начале 60-х – 72% и в 80-е – 51% от общих поставок (50).

При общем ежегодном ввозе в страну 2 млн. пудов чая, через Иркутскую таможню проходило около 800 тыс. пудов кирпичного чая, который ввозился "исключительно через Кяхту" (51). Купец Михаил Андреевич Зензинов говорил: "...трудно было выбрать место более неудобное, где стоит наша богатая Кяхта и торговый городок Маймачин. Кругом голая безлесая степь, без воды, но скопление капиталов с Руси и Китая оживило эту степь, могущество торговли... создало своего рода чудо. Кяхта и Маймачин, как прекрасный оазис среди безводной и пустынной степи, полны жизни, движения и довольства, полны богатства... Деятельность и движение были невиданные" (52).

Сибиряки знали, что в Кяхте "только ленивый не может разжиться", а потому место это манило многих дельных, предприимчивых и честолюбивых людей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мартынов А. Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. – СПб., 1819; Клапрот Г.-Ю. Описание Кяхты // *Сын Отечества*. – 1816. – Ч.33. – №14, 42; Назимов К. Странички из истории Кяхты // *Восточное обозрение*. – 1901. – №141; Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. – М., 1956; Птицын В.В. Селенгинская Даурия. – СПб., 1896; Стахеев Д. Кяхта (Записки моего знакомого) // *Русское слово*. – 1865, сентябрь. – С.273-295, октябрь. – С.172-191; Деспот-Зенович А.И. Первый русский караван в Китай // *Правительственный вестник*. – 1893. – №34, 35; Носков И.А. Кяхта. – Иркутск, 1861; Он же. Заметки сибиряка о современном состоянии русской торговли и против нового учения о свободной торговле. – СПб., 1857; Он же. О русской торговле в Китае. – СПб., 1867; Он же. О мерах к поддержанию русской торговли внутри Китая. – СПб., 1875 и др.; Попов И.И. Минувшее и пережитое. – Л., 1924. – Ч.2: Сибирь и эмиграция; Он же. Забытые Иркутские страницы: Записки редактора. – М., 1992; Багашев И.В. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых сношений с Китаем через Кяхту. – М., 1896; Петряев Е.Д. Люди и судьбы. – Чита, 1957; Вперед огни. – Иркутск, 1968; "Кяхтинский листок". – Улан-Удэ, 1963.
2. Шахеров В. Реформатор из Иркутска (жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина) // *Земля Иркутская*. – 1994. – №1. – С.9-14.
3. Потанин Г.Н. Сибирские города // *Земля Иркутская*. – 1995. – №3. – С.52-59.
4. Елизарова Л. История Кругобайкальского тракта // *Земля Иркутская*. – 1995. – №4. – С.22-27.
5. Жиров А. Тарские кяхтинцы; Гаврилова Н. Иван Степанович Хаминов (к 180-летию со дня рождения) // *Земля Иркутская*. – 1997. – №9. – С.14-19, 49-56.
6. БСЭ. – Т.47. – С.22, 33.
7. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 1995. – Т.2. – Кн.2. – С.180.
8. Петров И.Ф. Сибирь – мое отечество. – Омск, 1990. – С.28-29.
9. Кяхта: Памятники истории и культуры: Путеводитель. – М., 1990. – С.6.
10. Краткая энциклопедия... – Т.2. – Кн.2. – С.176.
11. Попов И.И. Минувшее и пережитое. – С.19.
12. Там же. – С.177.
13. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1834. – Ч.1. – С.496.
14. Там же. – С.532-533.
15. Место чая – тюк чая весом 107 фунтов (около 44 кг), упакованный в специально выделанную кожу.
16. Птицын В.В. Указ. соч. – С.174.
17. НАРБ, ф.111, оп.1, д.20, 21, 27.
18. Там же, д.36.
19. Сообщил житель г.Тары А.М.Бабыкин, сын ломовщика М.А.Бабыкина.
20. Губаревич-Радобыльский А.А. Чай и чайная монополия. – СПб., 1908. – С.121.
21. Гагемейстер Ю. Указ. соч. – С.589.
22. Носков И.А. Кяхта. – Иркутск, 1861. – С.4.
23. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. – Иркутск, 1968. – С.143.
24. Петров И.Ф. Указ. соч. – С.85.
25. Чехов А.П. Соч. – М., 1948. – Т.10. – С.361.
26. Валеев Т.Ф. Западносибирские татары во 2 пол. XIX – нач. XX веков. – Казань, 1980. – С.96.
27. Попов И.И. Указ. соч. – С.165.
28. Беккер В.И. Жизнь и описание путешествия казака Назимова из Восточной Сибири с границ Китайской империи в Санкт-Петербург пешком. – СПб., 1841.
29. НАРБ, ф.111, оп.1, д.1, лл.6.10.
30. Там же, д.20, л.46 об.
31. Там же, д.21, лл.15-16 об.
32. Там же, д.32, лл.95, 95 об., 99.
33. Там же, д.20, лл.1, 5, 15, 20, 29, 30, 34, 43, 44.
34. Там же, д.2, лл.40, 68.
35. Щапов А.П. Соч. – СПб., 1908. – Т.3. – С.624.
36. НАРБ, ф.111, оп.1, д.137, лл.5.
37. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во 2 пол. XIX в. – Улан-Удэ, 1969. – С.238.
38. Птицын В.В. Указ. соч. – С.275-277.
39. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. – М., 1902. – С.120.
40. Соловьева Е.И. Извозный промысел (1861-1893 гг.) // *Из истории Сибири*. – Новосибирск, 1972. – С.55.
41. Бойко В.Н., Герштейн Я.Л. Ирбит. – Свердловск, 1959. – С.14.
42. Краткая энциклопедия... – Т.2. – Кн.2. – С.175.
43. Жиров А.А. Исторические параллели в судьбах городов и купечества Тары и Кяхты // *Россия и Восток: история и культура: Материалы 4 международной научной конференции "Россия и Восток: проблемы взаимодействия"*. – Омск, 1997. – С.286.
44. Сибирская газета. – 1885. – 21 апреля.
45. Сибирский вестник. – 1889. – 11 января.
46. Тугутов Р.Ф. Прошлое и настоящее города Кяхты. – Улан-Удэ, 1954. – С.10, 12.
47. Птицын В.В. Указ. соч. – С.131.
48. Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб., 1882. – С.347.
49. Носков И.А. Указ. соч. – С.9.
50. Асалханов И.А. Указ. соч. – С.469.
51. Вольский З. Вся Сибирь. – СПб., 1908. – С.432, 434.
52. Петряев Е.Д. Вперед – огни. – Иркутск, 1968. – С.170.

Дом градоначальника в Кяхте. Фото кон. XIX в.

В статье использованы иллюстрации из путеводителя «Кяхта. Памятники истории и культуры», составитель Е.Е.Потова. – М., 1990.